
ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

СОХРАНИТЬ ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ

М. Ю. БРАЙЧЕВСКИЙ

Недавно в РСФСР, УССР и в других союзных республиках приняты решения о создании республиканских добровольных обществ по охране памятников культуры. Созданы оргкомитеты, на которые возложена подготовка учредительных съездов и разработка проектов Устава. Эти решения встречены горячим одобрением со стороны широкой общественности, в частности — общественности научной.

Необходимость создания добровольных обществ по охране памятников культуры диктуется явно неблагоприятным состоянием в этой области, наличием достаточно ярко выраженной тенденции к уничтожению многих памятников истории и культуры, особенно древней архитектуры. Эта тенденция, проявляемая определенной частью не в меру ретивых местных работников, нередко находит поддержку со стороны отдельных руководителей, облеченных большими полномочиями. В результате с лица земли исчезают огромные культурные ценности, потеря которых в большинстве случаев оказывается невосполнимой. До последнего времени судьба того или иного памятника, как правило, решалась келейно, без ведома широкой общественности, без необходимых консультаций со специалистами, а то и вопреки их заключениям. Новосоздаваемые общества призваны положить конец такому положению, добиться полного преодоления субъективизма и произвола в этом важнейшем деле.

В самом начале истории социалистического государства наша партия, В. И. Ленин проявляли огромный пиетет в отношении культурного наследия советских народов. В тяжелые годы гражданской войны руководство первой в мире социалистической державы считало необходимым обеспечить сохранность культурно-исторического богатства от разрушения и повреждений. Тогда враги революции немало писали о «варварстве» большевиков, которые якобы «уничтожают» памятники русской культуры; всячески раздували факт обстрела московского Кремля восставшими против буржуазной власти войсками. Это была заведомая ложь. Даже в жесточайшие годы голода и разрухи, несмотря на тяжелое экономическое состояние страны, Советское правительство сумело направить значительные средства на ремонт и реставрацию культурных объектов.

5 декабря 1918 г. председатель Совнаркома В. И. Ленин подписал декрет «О регистрации, взятии на учет и охрану памятников искусства и старины». На протяжении ближайших пяти лет государство только на территории РСФСР взяло под свою опеку 2350 древних церквей и монастырей и 520 помещичьих усадеб, представлявших художественную или историческую ценность. Одновременно производился их ремонт, а

в отдельных случаях — реставрация. В. И. Ленин требовал привлекать к суровой ответственности — вплоть до предания суду — лиц, виновных в уничтожении или порче памятников культуры.

Именно в этих фактах мы видим подлинное отношение Советской власти к историко-культурному наследию нашего народа.

Материальные остатки прошлого, помимо чисто мемориального значения, имеют и большую научную ценность. Они не только представляют собою живое свидетельство героической истории наших народов, но и являются важным историческим источником, проливающим яркий свет на многие вопросы социально-экономического и культурного развития общества, их создавшего. Они представляют собою овеществленный труд и овеществленную мысль минувших поколений. Этот аспект проблемы очень часто упускается из вида, а между тем именно он, пожалуй, является основным. Поэтому вопрос об охране памятников прошлого не может не волновать историка.

Не будем специально останавливаться на археологических объектах — их источниковедческое значение общеизвестно и не требует каких-либо разъяснений: памятники материальной культуры являются единственным источником наших знаний о дописьменных эпохах. Но и материалы позднейших эпох имеют весьма существенное значение, поскольку перед учеными встает ряд проблем, недоступных исследованию без привлечения материальных остатков. В частности, мы имеем в виду историю технического прогресса, культуры, национального самосознания, историю развития общественной мысли.

В данной статье речь будет идти главным образом о произведениях древней архитектуры (в широком смысле этого слова), но, по сути, все сказанное может быть распространено и на другие категории культурно-исторических ценностей — произведения монументальной живописи и скульптуры, археологические памятники, объекты, связанные с теми или иными историческими событиями, с деятельностью выдающихся людей и т. д. Особого внимания заслуживает категория памятников, на которую до сих пор как-то не принято обращать внимания, а именно: объекты, непосредственно связанные с производством, но утратившие свое хозяйственное значение. Между тем эта категория памятников имеет огромное значение в качестве источника по истории народного хозяйства и техники.

Так, например, на Украине, в Дрогобычской и Черновицкой областях сохранились доменные печи первой половины XIX в., которые в наши дни, само собою разумеется, промышленного значения не имеют и давно не работают, но представляют колоссальный интерес с точки зрения мемориальной, а особенно — как важный источник для изучения технического прогресса в черной металлургии. До недавнего времени подобная печь имелась и в районе Донецка, но местные власти, не разумея ее значения, распорядились пустить ее на металлический брухт. Не подлежит сомнению, что такого рода «деятельность» следует решительно пресекать, но случай этот важен в качестве прецедента: на территории нашей страны имеется немало старых промышленных объектов (заводских сооружений, отслуживших свое машин, заброшенных горных выработок и т. д. и т. п.), утративших промышленное значение, но сохранивших большую культурно-историческую ценность для нынешнего и грядущих поколений.

К сожалению, отношение к «недвижимым» объектам, имеющим историческое или культурное значение, сплошь и рядом оказывается весьма далеким от идеала, а во многих случаях — просто нигилистическим. Ни у кого не повернется язык требовать уничтожения, скажем, картин в музее для того, чтобы расчистить экспозиционную площадь, или, предположим, сжечь сколько-то книг ради освобождения места на библиотечных полках. Такие требования были бы восприняты как

проявление дикости. Но почему-то считаются в порядке вещей голоса, ратующие за разборку древней церкви или замка ради освобождения площади под застройку или даже просто для создания сквера. Защитникам памятника культуры приходится тратить бездну сил и красноречия для того, чтобы доказать свою правоту, которая, по существу, не требует никаких доказательств.

Разрушительные силы времени, естественно, приводят к сокращению наследия минувших веков. Многочисленные войны и нашествия врагов сопровождались страшными погромами, во время которых рушились и гибли в огне неизмеримые культурные ценности. Но с особой горечью приходится писать о тех потерях, которые явились следствием нашего собственного невежества и безответственности.

В журнальной статье нет возможности перечислить все потери, но представляется целесообразным упомянуть хотя бы некоторые, наиболее значительные из них.

Одно из первых мест по числу бесполезно уничтоженных памятников принадлежит Москве. Назовем только самые вопиющие примеры: знаменитая Сухарева башня, в которой помещалось первое в России высшее учебное заведение; Красные ворота; Триумфальные ворота; палаты князей Голицыных в Охотном ряду; палаты XVI в. в Крестовоздвиженском переулке; жилой дом № 1 по ул. Большая Полянка, построенный великим русским зодчим В. И. Баженовым; серия древних зданий в Зарядье; китайгородская стена; храм Спаса на бору и здание Чудова монастыря в Кремле; Симонов монастырь — ценнейший памятник оборонного зодчества XVI в.; храм Христа-спасителя — памятник героям Отечественной войны 1812 г., расписанный внутри великими русскими художниками В. В. Верещагиным, В. М. Васнецовым, Г. И. Семирадским и др.; мемориальный Казанский собор на Красной площади; часовня Иверской Божьей матери; целый ряд древних приходских церквей, в том числе церкви Николая «большой крест», Успения на Покровке и т. д. и т. п. Был полностью уничтожен Серпуховской кремль под Москвой и многие другие ценнейшие памятники культуры и истории русского народа.

Вот некоторые (лишь наиболее ценные) произведения древней архитектуры, которые потерял Киев в течение 30-х годов: Михайловский Золотоверхий собор XI в., сохранявший внутри уникальные мозаики и фрески той же эпохи; колокольня и другие здания Михайловского Золотоверхого монастыря — выдающийся памятник украинской архитектуры эпохи барокко; Трехсвятительская церковь XIII в.; церковь Пирогошей Божьей матери XII в. на Подоле, упоминаемая в гениальном «Слове о полку Игореве»; военный собор Николая на Печерске, построенный в XVII ст.; Богоявленская церковь Братского монастыря на Подоле, с которой тесно связана история национально-освободительного движения украинского народа в XVII ст.; знаменитый фонтан-колодец «Самсон» на Подоле — произведение выдающегося украинского архитектора середины XVIII в. И. Г. Григоровича-Барского; колокольня и другие здания Кирилловского монастыря, построенные Григоровичем-Барским; ансамбль Межигорского монастыря, созданный тем же архитектором; почти все здания, сооруженные по проектам выдающегося украинского архитектора Андрея Меленского, жившего на рубеже XVIII и XIX вв., и многое другое.

И другие города нашей страны понесли невосполнимые потери. Мало того, разрушение памятников продолжается, и это не может не беспокоить всех, кому дорого культурное наследие наших народов.

В 1963 г. по распоряжению местных властей был взорван собор XII в. в Витебске (этот варварский акт вызвал активный протест не только в Белоруссии, но во всей стране). В том же году была сожжена хулиганами, при бездействии местных властей, деревянная церковь в

Вытегре — уникальный образец народного деревянного зодчества. Совсем недавно при таких же обстоятельствах погибла деревянная козацкая церковь XVIII в. в с. Синява Киевской области. В 1964 г. погибли памятники деревянного зодчества в селах Турчасове и Белой Слоуде (РСФСР). Несколько лет назад в Киеве, вопреки многочисленным протестам общественности, была снесена трапезная Никольского монастыря, построенная в XVII в. выдающимся русским архитектором Осипом Старцевым. В 1963 г. была сломана колокольня Пятницкой церкви в Чернигове, на месте которой горсовет решил соорудить... общественную уборную (!) и т. д. и т. п.

Помимо преднамеренного нарочитого уничтожения памятников культуры, иной раз продолжает действовать и процесс их «естественной» гибели. Памятники гибнут под действием стихий, многие годы не ремонтируемые и ничем не защищенные. Еще в 1964 г. исполком городского Совета города Тулы принял решение о реставрации Тульского кремля, о чем торжественно было сообщено в прессе¹. Автору этих строк довелось обследовать Тульский кремль в текущем году — никаких реставрационных работ там, по существу, не производится; памятник находится в ужасающем состоянии, никем и ничем не защищенный; главное сооружение кремля — собор — лишено покрытия; купола его светятся обнаженным каркасом; расположенный на территории кремля стадион (!) мало способствует сохранности памятника. В Ростове Великом, Суздале, Переславле-Залесском, Угличе и других городах Средней России произведены большие реставрационные работы, но и там многие памятники находятся в крайне тяжелом состоянии. Не лучше обстоит дело на Украине и в Белоруссии. Но особенно сильно страдают памятники от бесхозяйственности и варварского отношения со стороны тех учреждений, в ведении которых они находятся.

Казалось бы, состояние охраны памятников культуры должно будить серьезную тревогу. Однако до недавнего времени господствующей была совершенно противоположная тенденция. Во многих республиках были пересмотрены в сторону сокращения списки архитектурных памятников, состоящих на государственной охране. На Украине, например, было снято с охраны около 35% памятников, имеющих большую культурно-историческую ценность. (Среди них, например, замок XVII в. в с. Белый Камень Львовской области, Кловский дворец в Киеве, деревянная церковь в с. Потелич с уникальной фресковой росписью XVII в., деревянные церкви XVII—XVIII вв. в сс. Гомловец, Еловое, Неговец и многое другое). Ассигнования, направляемые на ремонт и реставрацию древних сооружений, резко сокращались; лица, ратовавшие за бережное отношение к памятникам или содействовавшие этому делу, подвергались резкой и необоснованной критике.

В эту кампанию включались едва ли не все периодические массовые органы — вплоть до «Крокодила». Так, последний в № 10 за апрель 1961 г. поместил карикатуру Е. Шукаева, высмеивавшую архитекторов, строящих новые дома с учетом сохранения памятников старины.

Иногда энтузиазм по части подобного нигилизма проявляют люди, которые по своей прямой обязанности должны заботиться о культурных ценностях. Совсем недавно, в декабре 1965 г. Управление музеев и памятников Министерства культуры УССР (нач. Г. С. Кирилюк) подвергло резкой критике коллектив заповедника «Киево-Печерская лавра» за чрезмерное внимание к памятникам старой архитектуры, входящих в комплекс заповедника.

Особенно ухудшилось положение с охраной памятников культуры после известного выступления Н. С. Хрущева на январском Пленуме ЦК КПСС (1961 г.), в котором расходы на реставрационные работы были объявлены расточительством и разбазариванием народных средств.

¹ «Правда», 7 сентября 1964 г.

«А литовские руководители,— говорилось в этом выступлении,— взялись за восстановление из руин дворцов и замков феодалов, многие из которых не имеют серьезной исторической ценности. А на некоторые насущные нужды трудящихся республики средств выделяется недостаточно. Разве это правильно, товарищи? Если мы пойдем по этому пути, куда же мы придем? Так могут поступать только растратчики народных средств, а не рачительные, бережливые работники.

И в Подмоскowie увлекаются реставрацией многих ненужных объектов старины. Вы имейте в виду, товарищи, что вам иногда специально подбрасывают такие вопросы иной раз люди, желающие погреть на этом руки (подчеркнуто нами.— М. Б.), искусно обхаживают вас. Они говорят примерно так: «Вот вы культурный человек, вы знаете, понимаете значение этого памятника старины. Вы, только вы сможете оценить этот исторический памятник. Вот вы понимаете и оцениваете тот факт, что здесь гулял этот знаменитый человек, вот тут-то он сидел и обдумывал свои планы, а здесь он, рассердившись, плюнул... я не преувеличиваю, товарищи, бывают и такие безобразия»².

Мы выписали эту длинную цитату, чтобы показать, на каком идейном уровне обосновывался нигилизм в отношении памятников культуры в те годы. Но многие местные руководители, видевшие в необходимости охранять древние сооружения только дополнительные заботы и хлопоты, готовы были использовать подобные выступления для того, чтобы избавиться от этих забот и хлопот. Какой ущерб это нанесло идейно-воспитательной работе в нашей стране — придется с горечью подсчитывать в будущем.

В одном высоком собрании на Украине в 1963 г. подверглись критике люди, которые якобы совершенно неоправданно требовали сохранить трапезную «какого-то монастыря», которая давно использовалась под склад, и включить ее в архитектурный ансамбль нового детского учреждения, сооружаемого на этом месте. Речь шла об упоминавшейся выше трапезной Никольского монастыря в Киеве — ценнейшем памятнике XVII в., вошедшем во все учебники по истории архитектуры, без всякой нужды уничтоженном при строительстве Киевского Дворца пионеров. Люди, о которых идет речь, чьи имена не были упомянуты, — виднейшие представители украинской советской интеллигенции: поэт-академик М. Ф. Рыльский, академик архитектуры В. И. Заболотный, академики А. И. Белецкий, Л. А. Булаховский, многие видные архитекторы, художники, ученые. Против сноса трапезной выступили Госстрой СССР, Институт истории и теории архитектуры Академии строительства и архитектуры СССР и другие учреждения, имеющие непосредственное отношение к культурно-историческому наследию советского народа. Против уничтожения памятника высказался и коллектив архитекторов, которому было поручено проектирование Дворца пионеров и который предложил вариант проекта, предусматривавший сохранение трапезной и включение его в ансамбль нового сооружения (в качестве помещения для пионерского музея). И все-таки памятник был уничтожен.

К счастью, октябрьский Пленум ЦК КПСС (1964) положил конец субъективизму в решении общественно важных вопросов. Интересы государства, интересы партии и народа требуют самого бережного отношения к культурному наследию наших народов; требуют сохранения этого наследия в полном объеме для грядущих поколений.

² «Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза 10—18 января 1961 г.» (стеногр. отчет), М., 1961, стр. 601—602.

Политика партии и Советского государства в том направлении была определена еще в 1918 г. упоминавшимся выше декретом СНК, подписанным В. И. Лениным, и неоднократно подтверждалась другими документами (декрет СНК от 16/IX—1921 г., декрет ВЦИК и СНК от 7/1—1924 г., постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 10/VIII—1933 г. и 10/II—1934 г. и др.). Принципы этой политики обязательны для каждого гражданина нашего государства, независимо от того, какой пост или должность он занимает.

* * *

Памятники материальной культуры представляют собою реальность в трех пространственных измерениях, и это порождает целый ряд проблем, требующих, по нашему мнению, серьезного обсуждения. В последнее время в связи с резким усилением интереса общественности к остаткам старины наша пресса стала много писать на этот сюжет. Однако большинство выступлений, как нам кажется, страдает одним существенным недостатком. Авторы их молчаливо исходят из предпосылки, будто тезис о необходимости сохранения культурно-исторического наследия прошлого в полном объеме является общепринятым и не требует обоснований. При такой позиции само обсуждение этой бесспорности выглядит как нечто неприличное. В действительности же, к несчастью, точка зрения, принимаемая в качестве бесспорной авторами публикуемых статей, признается таковой далеко не всеми. Поэтому полемика представляется не только нужной, но и неизбежной. По существу она все время имеет место, но развивается подспудно, лишь время от времени прорываясь отдельными столкновениями. В интересах дела — дать ей выход на страницы прессы.

Одной из проблем, возникшей сравнительно недавно, но сразу же получившей весьма широкий общественный резонанс, является проблема соотношения современности и традиций в культуре социалистического общества. Начало обсуждения этой проблемы в отношении памятников культуры было положено тем же выступлением Н. С. Хрущева на январском Пленуме ЦК КПСС (1961 г.). В этом выступлении отчетливо прозвучала мысль о памятниках старины, как о никому не нужном старье, которое только мешает людям жить и строить новое общество.

Это представление получило довольно широкое распространение, особенно среди лиц, ответственных за судьбу тех или иных объектов и увидевших в данном лозунге весьма удобное средство избавиться от лишних хлопот. Но в ряде случаев имели место попытки скоординировать эту формулу с совершенно справедливым требованием партии, записанным в Программе КПСС, всячески усилить внимание творческой общественности к проблемам современности. Очевидно, во всем этом необходимо серьезно разобраться.

Как известно, изучение истории советского общества долго оставалось слабым участком нашей науки. После XX съезда КПСС необходимость коренных изменений в этом отношении стала совершенно очевидной. Поэтому партия выдвинула перед советскими историками требование решительно усилить разработку новейшей истории. То же самое имело место и в отношении литературы, искусства и иных форм творческой работы.

Перед реализацией этого требования открывались два пути, две возможности. Одна из них была заложена в резком увеличении числа работ, посвященных периодам, близким к современности, в результате чего, естественно, возрос бы их удельный вес. Другой путь сводился к сокращению, а то и полной ликвидации исторической тематики в творчестве ученых, писателей, художников и, таким образом, к стремлению обеспечить преобладание современности за счет прошлого. Первый

путь более сложен, поскольку требует творческих усилий и труда, второй гораздо легче, так как ориентирует на то, чтобы делать поменьше. К сожалению, до октябрьского Пленума ЦК КПСС (1964 г.) этот второй принцип пользовался большой популярностью среди определенной части руководящих лиц. Из тематических и издательских планов исследовательских институтов вычеркивались темы, посвященные досоциалистическим формациям; во многих институтах были ликвидированы отделы, занимавшиеся разработкой соответствующей тематики (например, в Институте литературы АН УССР был ликвидирован отдел древнерусской литературы; в Институте истории АН УССР отделы истории феодализма и капитализма объединены в один отдел с резким сокращением штатов и т. д.). Историческая тематика в области художественной литературы и изобразительного искусства была объявлена неактуальной. Театры, сохранявшие классический репертуар, подвергались критике за «пренебрежение к современности» и т. д. и т. п.

Подобная тенденция, нанеся колоссальный ущерб делу воспитания в широких слоях народа (особенно молодежи) лучших качеств гражданина-патриота, несомненно нашла свое отражение и в отношении к памятникам культуры. Обратной стороной этого оказался нигилизм по отношению к традициям прошлого в целом, сказавшийся в различных сферах общественной жизни (в частности — в литературе и искусстве).

Пытались сослаться на К. Маркса: «Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых»³, но забывали, в каком контексте и для чего написаны эти слова. А дальше в тексте шло: «Таким образом, в этих революциях воскрешение мертвых служило для возвеличения новой борьбы (подчеркнуто нами. — М. Б.), а не для пародирования старой, служило для того, чтобы возвеличить данную задачу в воображении, а не для того, чтобы увильнуть от ее разрешения в действительности, — для того, чтобы найти снова дух революции, а не для того, чтобы заставить снова бродить ее призрак»⁴. История — великий учитель; не зная прошлого, нельзя правильно понять смысл настоящего и прогнозировать (а тем более строить) будущее.

К счастью, наш народ оказался в идейном отношении более зрелым, нежели некоторые из лиц, претендовавших на руководящее положение в общественной жизни нашей страны. Глубокий пиетет в отношении к отечественной старине, к героическому прошлому Родины всегда был благороднейшей чертой народной идеологии, а горячий интерес к своей истории среди народа не угасал ни на мгновение. Все это самым непосредственным образом касается и памятников старины, которые для народа всегда являются материализованной, облеченной плотью историей, великой школой исторического опыта. Недаром В. И. Ленин даже в самые тяжелые для нашего государства годы требовал привлечения к ответственности лиц, наносящих ущерб памятникам прошлого.

В 1918 г. В. И. Ленин требовал неукоснительно осуществлять «охранение, изучение и возможно полное ознакомление широких масс населения с сокровищами искусства и старины, находящимися в России»⁵. «Всю старину, — говорил он, — мы должны тщательно охранять не только как памятники искусства, — это само собой, — но и как памятники быта и жизни древних времен. Сюда должны приходиться экскурсии, здесь должны быть развернуты музеи, здесь должны даваться подробные объяснения посетителям»⁶ (подчеркнуто нами. — М. Б.).

Покойный акад. И. Э. Грабарь рассказывал, что В. И. Ленин «придавал чрезвычайное значение делу охраны исторических сооружений.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8, М., 1957, стр. 119.

⁴ Там же, стр. 121.

⁵ «Известия ВЦИК», 1918, № 200.

⁶ В. Бонч-Бруевич. Ленин и культура. «Литературная газета», 21 января 1940.

Он всегда запрашивал, можно ли расширить то или другое окно в старом здании или пробить дверь где-нибудь, не давая никаких распоряжений до положительного ответа... Гуляя как-то по Кремлю, он заметил в одной из церквей разбитое окно. Его разбили игравшие там дети. Владимир Ильич тотчас же сделал выговор заведующему музейным отделом, сказав, что дело охраны памятников в Кремле стоит не на должной высоте, что он требует большей внимательности и что необходимо привлечь к строгой ответственности всех нас»⁷.

Это за разбитое стекло! Что же сказал бы Владимир Ильич, если бы услышал заявления, подобные приведенным выше? Эти заявления найдутся в вопиющем противоречии с подлинно марксистским пониманием исторического опыта и традиций.

Исторически закономерным является то обстоятельство, что подавляющее большинство памятников старины (и в первую очередь древней архитектуры) расположено на территории населенных пунктов, главным образом городов. С одной стороны, это обстоятельство является благоприятным, так как делает их более доступными для усвоения широкими слоями народа. Но, к сожалению, здесь имеется и обратная сторона: именно в силу данного обстоятельства они нередко оказываются объектами посягательств со стороны архитекторов и благоустроителей. В этом случае на сцену выступает тезис о том, что старые здания являются помехой для успешной реконструкции городов, для нового строительства и благоустройства.

Соображениями такого рода пытались оправдать целый ряд варварских актов по уничтожению памятников старой архитектуры в различных городах. Наиболее поучительные примеры дает история реконструкции Москвы, в процессе которой огромное количество ценнейших памятников древней архитектуры были принесены в жертву реализации генплана, составленного без учета исторически сложившегося архитектурного лица великого города. Этот принцип реконструкции древних городов (и в частности, Москвы) некоторыми архитекторами поднят на уровень теоретической доктрины; в частности, в 1963 г. в коллективном письме группы видных московских зодчих (В. С. Андреев, А. В. Власов, И. И. Ловейко и др.), адресованном редакции газеты «Правда», мысль о необходимости сочетать новую застройку с бережным отношением к памятникам квалифицировалась как «давно отброшенная, политически несостоятельная идея»⁸.

В Киеве уничтожение Михайловского собора XI в. с уникальной настенной живописью мотивировалось интересами реализации плана нового правительственного центра. Одной из характерных акций подобного рода была разборка сгоревшего во время войны, но легко восстанавливаемого центра Старого города в Каменце-Подольском, где во имя тогда еще не существовавшего плана реконструкции города было уничтожено несколько десятков жилых зданий XVI—XVIII вв. Подобных случаев, к несчастью, можно привести множество.

История — наилучший учитель и наилучший судья. Время убедительно показало, что все эти жертвы были совершенно напрасными. Проекты, ради которых производились опустошения, в подавляющем большинстве случаев оказались недоброкачественными; они так и не были осуществлены. Как правило, площади, освободившиеся от старых построек, не были использованы или же использовались таким образом, что это не играло никакой существенной роли в урбанистически-градостроительном плане.

Место, где стояла Сухаревская башня, оказалось в рядовой застройке обычной магистрали (а ведь существовал вариант проекта, согласно ко-

⁷ И. Э. Грабарь. Моя жизнь, М.—Л., 1937, стр. 274.

⁸ Журнал «Москва», 1963, № 6, стр. 166.

торому магистраль шла в обход памятника!). Там, где были Красные ворота, якобы мешавшие движению транспорта, проезд для последнего вообще закрыт. На месте храма Христа-спасителя сооружен водный бассейн. Правительственный центр в Киеве по неудачному проекту И. Лангбарда так и не был создан. Заурядную четырехэтажную коробку жилого дома можно было построить не на месте Братской церкви, а в любой другой точке киевского Подола. На месте разобранных древних церквушек в большинстве случаев разбиты крошечные скверы и т. д. и т. п.

Больше того, уничтожение памятников старой архитектуры сплошь и рядом существенно обеднило лицо наших городов и поставило перед градостроителями такие проблемы, разрешить которые до сих пор не под силу. Остановимся лишь на двух чрезвычайно характерных примерах.

Уничтожение Михайловского монастыря очень больно сказалось на градостроительном облике нагорного Киева. Весьма ощутимо пострадал силуэт города: вместо роскошного устремленного в высь букета вертикалей со сложным фигурным профилем из-за Днепра сейчас видим тяжелую прямоугольную глыбу административного здания (киевляне называют ее «комодом»), которая как бы приплюснула горку, раздавила ее своим объемом. Но главное, совершенно безликой оказалась площадь, ради создания которой был взорван древний собор. Ни один из предложенных до сего времени проектов не содержит сколько-нибудь удовлетворительного решения с учетом характера топографии, сложности рельефа, окружающей застройки, силуэта города, просматриваемого с Левобережья, и прочих градостроительных факторов.

Другой пример — судьба Старого города в Каменце-Подольском. Площадь, освобожденная из-под древней застройки (уникальный в нашей стране пример хорошо сохранившегося средневекового города), оказалась слишком маленькой для каких-либо архитектурных решений, выполненных на основе принципов современной архитектуры (свободная планировка, многоэтажное строительство и т. д.). В результате взамен утраченного не создано ничего хотя бы в отдаленной степени равноценного (не говоря уже о лучшем). В настоящее время территория Старого города представляет собою ряд пустырей и скверов, обезобразивших когда-то неповторимое в своей архитектурной прелести место. Сохранившиеся здесь и реставрированные памятники (ратуша, Доминиканский костел, Францисканский костел и др.), рассчитанные на просматривание среди густой, но невысокой средневековой застройки, на голом месте потеряли свой масштаб и художественную выразительность. Они полностью сохраняют мемориальное и научное значение, но утратили значение эстетическое. Как произведения искусства они погибли, подобно живым организмам, вырванным из привычной среды. Градостроительство всегда сталкивается со сложными системами, имеющими свою экологию; забвение этого неизбежно ведет к весьма печальным просчетам.

Поразительным фактом является то, что попытки «теоретического» обоснования нигилизма по отношению к архитектурным памятникам прошлого нередко исходят именно из архитектурных кругов. В 1962 г. журнал «Москва» (№ 3) опубликовал статью, посвященную строительству столицы, в которой, между прочим, был затронут вопрос о неоправданной ликвидации многих ценных архитектурных сооружений прошлого (Сухаревская башня, Красные ворота, дом Голицыных и др.). Эта статья вызвала бурную реакцию со стороны ряда ведущих архитекторов, которые несут определенного рода ответственность за уничтожение историко-культурного наследия при реконструкции наших городов. «Кто дал право авторам так вольно истолковывать заветы великого Ленина и выступать от имени народа? — писали они в письме, адресованном в газету «Правду» (11 мая 1962 г.). — Разве народ предпочел бы видеть сегодня

Охотный ряд таким, каким он был до революции? Разве он согласился бы на сохранение нескольких старых зданий, отказавшись во имя этого от расширения узких и кривых московских улиц, от строительства метрополитена?»⁹.

Странная постановка вопроса! Откуда взялась эта альтернативность: или сохранение культурного наследия, или новое строительство? А почему бы не так: и то и другое?. Разве нельзя строить новые города и реконструировать старые так, чтобы при этом не гибли художественные шедевры, созданные гением народа в предшествующие эпохи?

История мирового градостроительства показывает, что не может быть коллизии, из которой не нашлось бы удовлетворительного выхода, и если конфликт между старым и новым в архитектуре на практике возникает, то виноват в этом всегда архитектор, неспособный найти подлинно правильное решение проблемы. Но с какой стати народу расплачиваться за профессиональную несостоятельность того или иного архитектурного мэтра утратой неповторимых культурных ценностей?

Мировая градостроительная практика демонстрирует колоссальный опыт бережного отношения к сохранившимся древним ансамблям и отдельным сооружениям.

Те города, которые дошли до нас с более или менее сохранившимся древним ядром (Каркассон во Франции, Кведлинбург в Германии, Торунь в Польше и др.) и сейчас сохраняются в нетронutom новейшей реконструкцией виде. Новая застройка ведется вне линии городских стен; в процессе своего развития такие города создают новые центры; основное средоточие городской жизни покидает древнюю, музейную часть, которая приобретает совершенно новые общественные функции, связанные с областью идеологических, духовных запросов общества.

Такова судьба древнего Кракова, средневековой Праги, старой части Стокгольма (переживающего в наши дни период бурной реконструкции и нового строительства, которое, однако, совершенно не затрагивает «Гамла стаден» — остров, где расположены основные кварталы древнего Стокгольма) и т. д. В одном из последних номеров журнала «Architectura RPR» опубликована статья, в которой румынские архитекторы делятся опытом реконструкции средневековых городов Брашова, Сибиу, Фегераша, Сигишоары, основанной на тех же принципах¹⁰. В Болгарии бережно сохраняется неповторимый облик древних городов Пловдива, Плиски и др.

И совершенно непонятно, почему этот опыт мировой градостроительной практики, накопленный как в буржуазных, так и в социалистических странах, совершенно игнорируется в нашей стране. Почему наши архитекторы, работающие над перспективными планами развития древних городов, с упорством, достойным лучшего применения, цепляются за древнюю схему планировки? Почему они, ратуя за обновление облика этих городов, столь рабски традиционны в решении основных принципов планировки? Почему центр новой Москвы с невероятными трудностями и потерями (и с весьма сомнительными успехами) удерживается в районе средневекового ядра города? Почему новый центр Киева обязательно надо было определить в границах Старого города? Почему непременно рассматривать остров в Каменце-Подольском как центр современного города, игнорируя колоссальные возможности, предоставляемые для градостроителей деятельности Новым Планом (новой частью города вне средневековых стен)?

Все эти (как и многие другие) «почему» возникают сами собою, но ответить на них очень трудно.

⁹ Цит. по журн. «Москва», 1962, № 6, стр. 166.

¹⁰ G. Bertume. Cîteva probleme ale sistematizării unor ovașe din regiunea Brașov. «Architectura RPR», 1965, N 2.

В конце 20-х годов, когда встал вопрос о разработке генерального плана реконструкции Москвы, к осуществлению этой работы были привлечены многие видные архитекторы мира, в том числе основоположник современной архитектуры конструктивизма Ш.-Э. Ле-Корбюзье. В 1930 г. он представил свой проект, согласно которому древнее ядро Москвы в пределах бульварного кольца объявлялось городом-музеем с сохранением всех представляющих культурно-исторический интерес зданий, а площадь за пределами кольца А подлежала коренной перестройке на базе использования новейших градостроительных принципов. В этом предположении, исходившем от наиболее яркого и горячего сторонника новых принципов в архитектуре и градостроительства, видим поучительнейший пример глубокого уважения к культурному наследию народа, заслуживающий всяческого подражания.

К сожалению, эта мысль зачинателя современной архитектуры не была положена в основу принятого плана, и сейчас, по истечении трех десятилетий, можно решительно утверждать, что этим была допущена принципиальная градостроительная ошибка. Попытка реконструировать старый московский центр на основе новых принципов градостроительства привела, с одной стороны, к потере большого числа ценных архитектурных и художественных объектов, а с другой, — не дала ощутимых урбанистических результатов. Сосредоточение основных узлов общественной жизни в районе центральных площадей вызвало такие неудобства в организации городской жизни, которые до сего дня остаются неразрешимыми. В настоящее время необходимость вынесения значительного числа организаций и учреждений за пределы центра стала очевидной (университет, многие учреждения Академии наук, Дворец Советов, многие министерства и тресты и т. д.); реализация плана Ле-Корбюзье так или иначе встала на повестку дня — но в ухудшенном виде, с неизбежными паллиативами и весьма огорчительными утратами.

* * *

Чрезвычайно важен вопрос о той роли, которую памятники культуры играют в идеологической жизни нашей страны.

Среди определенной части общественности довольно распространенным является убеждение, что многие памятники прошлого выступают носителями чуждой нам идеологии и поэтому якобы представляют социальную опасность. Этот взгляд логически влечет за собой требование преднамеренного, планомерного уничтожения объектов, имевших несчастье попасть в проскрипционные списки. Здесь мы имеем дело с весьма тяжелым заблуждением, требующим решительной и кропотливой борьбы.

В упоминавшемся выше выступлении Н. С. Хрущева на январском Пленуме ЦК КПСС (1961 г.) литовские руководители подверглись критике за то, что они занялись реставрацией феодальных замков. Подчеркивание феодального характера реставрируемых объектов, безусловно, имело направленный смысл; феодальный строй, феодальная идеология чужды нашему народу и, естественно, не могут встретить никакой поддержки. Определяющим в данном случае оказалось не то, что замки, о которых идет речь, были созданы руками трудового народа, а то, что в известный период своего существования они служили феодалам.

Но наиболее распространенным является убеждение, что интересы атеистической пропаганды требуют физического уничтожения церковных зданий или зданий, когда-то бывших церковными. Огромное количество древних церквей в 30-е и последующие годы было уничтожено именно под лозунгом борьбы с религиозными предрассудками. И в наши дни это убеждение еще далеко не изжито, — несмотря на то, что в связи с общим повышением уровня грамотности в нашей стране атеистическая пропаганда тоже перешла на новый, более высокий этап.

Выше упоминалась печальная судьба трапезной XVII в., уничтоженной недавно в Киеве в связи со строительством Дворца пионеров. Предложенный архитекторами вариант проекта, включавший древнее сооружение в состав нового ансамбля построек, был отвергнут именно из тех соображений, что эта трапезная была когда-то зданием монастырским, то есть «религиозным», и ее сохранение может якобы нанести ущерб атеистическому воспитанию подрастающего поколения.

Иногда приходится слышать, что охрана древних церквей в качестве памятников архитектуры якобы противоречит идеологической политике нашей партии, имеющей ярко выраженное атеистическое направление; что включая большое количество церковных зданий в списки памятников, состоящих на государственной охране, мы тем самым «сохраняем сеть церквей», что, реконструируя ту или иную древнюю церковь, мы якобы оказываем услугу церковникам, воссоздаем «храм божий», то есть орудие религиозного одурманивания народа.

К сожалению, иногда такая позиция пробивает себе дорогу в практику. Произведенное на протяжении 1961—1963 гг. сокращение списков памятников, состоящих на государственной охране (в частности на Украине), было осуществлено преимущественно за счет древних церквей. Было снято с охраны немало деревянных церквей XVII—XVIII вв., представляющих собою подлинные жемчужины народной архитектуры. Но для тех лиц, которые ратовали за их исключение из списков, они были всего-навсего культовыми предметами, с которыми необходимо вести борьбу.

И в наши дни подобные голоса продолжают раздаваться; их можно было услышать даже на первом заседании Оргкомитета по созданию Украинского добровольного общества по охране памятников культуры (sic!), состоявшемся в Киеве 2 октября 1965 г. Поэтому данный взгляд, при всей его очевидной несостоятельности, заслуживает самого пристального внимания.

Никто не может взять под сомнение атеистические убеждения В. И. Ленина. Но эти убеждения не мешали ему большое внимание уделять делу охраны памятников старины, большинство которых составляли культовые сооружения. Напомним еще раз, что руководимое В. И. Лениным социалистическое государство в 1918 г. взяло на охрану свыше двух тысяч церквей и монастырей; никакого намека на ограниченное количество охраняемых объектов здесь нет.

В действительности ни церкви, ни иконы, ни кресты сами по себе религиозного содержания не имеют; это содержание в них вносит человек, который, следовательно, может и снять его. Церковь, в которой происходит служба, действительно является орудием религиозного влияния на массы, но та же церковь, превращенная в клуб или лекторий, может стать (и во многих случаях действительно становится) средством атеистического воспитания.

Здание старого (Александровского) костела в Киеве когда-то было церковным зданием; сейчас в нем находится планетарий — очаг антирелигиозной работы. Кому придет в голову нелепая мысль рассматривать его в качестве церкви? Кто осмелится утверждать, что Казанский собор в Ленинграде, в котором расположен музей истории религии и атеизма, представляет какую-то идеологическую опасность? У кого повернется язык отрицать, что превращенная в музей-заповедник Киево-Печерская лавра осуществляет колоссальную работу по атеистическому воспитанию трудящихся? Речь, следовательно, должна идти не о том, можно или нельзя с идеологической точки зрения сохранять ту или иную церковную постройку, а о том, как использовать ее в нужном для нас направлении.

Требование ликвидации церквей в порядке борьбы с религией так же нелепо, как требование уничтожить заводы, фабрики, или железные до-

роги, построенные до революции, на том основании, что они когда-то были средством эксплуатации рабочих капиталистами. Конечно, Путиловский завод при капитализме был средством экономического гнета, но социалистическое общество использует его в своих интересах, в интересах народа. Октябрьская революция разбила государственную машину, созданную царизмом, ликвидировала царские министерства и прочие учреждения, служившие для политического угнетения масс. Но никому не приходило в голову требовать сношения тех зданий, в которых эти учреждения помещались. Никому не могла прийти дикая мысль, что, сохраняя Зимний дворец, Адмиралтейство, Генеральный штаб, здания Сената и Синода и т. д. и т. п., мы сохраняем «сеть царских учреждений».

Опыт показывает, что попытки вести атеистическую пропаганду путем физического уничтожения икон и церковных зданий, как правило, дают противоположные результаты. Остановимся на одном, весьма показательном факте, имевшем место совсем недавно.

На правом берегу Днестра у с. Бакота (Хмельницкая обл.) расположен высеченный в скале монастырь, возникновение которого относится к эпохе Киевской Руси (там, кстати, имеются уникальные надписи на стенах, датируемые домонгольским временем). До 1964 г. вход в пещеры был защищен деревянной часовенкой, привлекавшей верующих для молитвы. В 1964 г. руководство местного совхоза решило «проявить инициативу» и покончить с религиозными предрассудками, для чего распорядилось сломать часовню. Некоторое время обломки разрушенного здания лежали грудой. Но в результате этого деяния верующие села отнюдь не стали атеистами; в настоящее время их усилиями монастырь приведен в порядок; обломки убраны, путем объявленного сбора пожертвований восстановлены иконостасы и внутреннее убранство. Идеологический эффект, таким образом, оказался диаметрально противоположным тому, на который рассчитывали недалевидные руководители: вместо того чтобы оказать услугу атеистической работе, они своими действиями вызвали вспышку религиозного энтузиазма. Очевидно, религиозные убеждения — слишком деликатная вещь, чтобы бороться с нею такими топорными (в буквальном смысле слова) методами.

Иногда высказывается мнение, что количество подлежащих сохранению древних церквей должно быть резко сокращено; достаточно, мол, оставить для образца десяток церквей, скажем XVIII в., несколько — XVII в., несколько XVI и т. д. Таким образом и количество «нежелательных» объектов сократится, и будет обеспечена возможность демонстрации трудящимся лучших и наиболее выразительных образцов церковного зодчества. Сторонники такого «выборочно-репрезентативного» метода охраны памятников учитывают лишь одну сторону дела; они видят в церкви только здание религиозного назначения и смысл ее сохранения усматривают лишь в необходимости показать гражданам коммунистического завтра (когда ни религии, ни церкви не будет), «как выглядел когда-то храм божий». Они упускают из виду другую сторону, более важную: церковь представляет собою прежде всего памятник архитектуры, то есть произведение искусства. А любое произведение искусства уникально по самой своей природе. Древние церкви — не образцы типового пректирования, могущие заменить друг друга. София Киевская не может заменить Софии Новгородской или Софии Полоцкой — так же как Василий Блаженный в Москве не может компенсировать утрату Доминиканского костела в Киеве.

Если развивать этот взгляд последовательно, можно прийти к выводу, что нет нужды сохранять в музеях столько картин, изображающих, скажем, мадонну, сколько их имеется; достаточно отобрать десяток образцов (одну «Мадонну» Рафаэля, одну — Леонардо да Винчи и т. д.), а остальные ликвидировать. А отсюда недалеко и до требования «репрезентативно» подчистить, скажем, собрание сочинений А. С. Пушки-

на — оставить для примера пару лирических стихотворений, пару эпиграмм, пару поэм и драматических произведений, а остальное — в печку.

Нет, вопрос надо ставить совершенно по-иному. Все художественно-культурное наследие народа должно быть сохранено в полном его объеме. При решении судьбы того или иного конкретного памятника надо учитывать не то, много или мало имеется других памятников той же категории и той же эпохи, а является ли данный памятник произведением искусства, представляет ли он собою индивидуальную, неповторимую культурную ценность. И если на этот вопрос следует положительный ответ, объект — что бы он собою ни представлял — должен быть сохранен как неприкосновенное достояние народа.

* * *

Со всем сказанным тесно связана еще одна проблема, требующая своего принципиального разрешения. Это — вопрос использования имеющихся и подлежащих сохранению памятников культуры. К сожалению, и эта проблема у нас покуда решается далеко не наилучшим образом; более того, можно утверждать, что она по сути вообще не поставлена на повестку дня и в данной области царит стихия и произвол. Одной из главных причин неудовлетворительного положения в деле охраны памятников культуры являются необдуманные действия местных руководителей и хозяйственных работников, в ведении которых находятся те или иные объекты. Особенно касается это памятников древней архитектуры, а также археологических объектов.

Положение с эксплуатацией более или менее хорошо сохранившихся памятников иногда принимает анекдотический характер. В конце 1965 г. автору этих строк пришлось участвовать в комиссии Президиума АН УССР по обследованию Выдубецкого монастыря в Киеве, судьба которого представляет собой трудноразрешимую проблему. Этот выдающийся комплекс сооружений XI—XIX вв. в настоящее время находится в ведении Ботанического сада АН УССР, который, не видя возможностей использовать его для своих нужд, ставит вопрос об изъятии монастырской усадьбы из своих владений. Попытка передать комплекс Министерству культуры УССР встретила ожесточенное сопротивление со стороны руководителей министерства, усмотревших в этом угрозу своему благополучию. Когда возникла идея разместить в монастыре один из отделов Главной научной библиотеки АН УССР (оба собора монастыря заняты сейчас книгохранилищами этой библиотеки, которая остро нуждается в расширении площади), данный проект вызвал решительные возражения дирекции библиотеки.

Межведомственная борьба приняла характер своеобразной футбольной игры, в которой каждый игрок спешит отфутболить мяч кому-угодно из своих партнеров. А памятник тем временем понемногу разрушается, приближаясь к своей «естественной» гибели.

Конечно, самое лучшее — использовать тот или иной объект по его непосредственному назначению. Жилой дом предназначен для того, чтобы в нем жили; магазин — чтобы в нем торговали; театр — чтобы в нем играли спектакли и т. д. Но приходится считаться с тем, что возможно это далеко не всегда, а в некоторых случаях разрыв между первоначальным назначением здания и современными условиями общественной жизни имеет принципиальное значение. В первую очередь речь здесь снова пойдет о церквях.

Большинство наиболее значительных произведений древней архитектуры эпохи средневековья представляют собою именно церкви. Это вполне закономерно, так как средние века, по выражению Ф. Энгельса, присоединили к теологии и превратили в ее подразделения все прочие

формы идеологии: философию, политику, юриспруденцию¹¹. В средневековом городе церковь была не только местом молитвы, но и универсальным общественным клубом — местом народных собраний, театром, лекториумом, помещением для диспутов и т. д. и т. п. Часть церквей, сохранившихся до наших дней, закрыта, часть продолжает функционировать, но недалек тот час, когда и они прекратят свою деятельность.

Многие древние постройки (например, замки, фортификационные сооружения и т. п.) естественно не могут использоваться по своему прямому назначению, старые дома просто неудобны для жизни, что вызывает справедливые нарекания жильцов¹², и т. д.

В настоящее время вопрос о хозяйственном использовании памятников решается как-то случайно. В большинстве случаев в древних зданиях, имеющих эксплуатационную ценность, размещаются всякого рода подсобные помещения — склады, мастерские, магазины, ссыпные пункты и т. п., — то есть объекты, совершенно не соответствующие ни характеру зданий, ни задачам охраны памятников культуры. Организации, в ведение которых попадают эти объекты, отнюдь не заинтересованы в их сохранности; здания десятилетиями не ремонтируются, а в тех случаях, когда ремонт производится, как правило, извращается художественный образ сооружения. Временные хозяева нередко позволяют себе различные переделки, наносящие ущерб памятникам, а сплошь и рядом ускоряют их «естественную» гибель. В качестве примеров можно сослаться на состояние помещений Никитского монастыря в Переславле-Залесском, Елецкого монастыря в Чернигове, Выдубицкого монастыря в Киеве, замка в Дубно (УССР), Никольско-Девичьего монастыря в Переславле-Залесском, Авраамиевского монастыря в Ростове-Великом, Спасо-Евфимиевского монастыря в Суздале, Молчановского монастыря в Путивле, Мгарского монастыря под Лубнами и многих других объектов, имеющих колоссальное историческое и культурное значение.

Вопрос о том, как наилучшим образом использовать тот или иной памятник, очевидно, должен решаться индивидуально в каждом конкретном случае; здесь не может быть универсальных рецептов. Тем не менее представляется целесообразным высказать некоторые общие соображения и принципы, которыми, как нам кажется, следует руководствоваться при решении судьбы любого сооружения.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что возможности использования зданий, имеющих культурно-историческое значение, по их прямому назначению в настоящий момент еще далеко не исчерпаны. В качестве примера можно назвать великолепное первоначально, но невероятно искаженное мелкими переделками здание Гостиного ряда на Подоле в Киеве. Построенное выдающимся киевским архитектором Андреем Меленским в классическом стиле, это здание было задумано как единое целое. В дальнейшем, в условиях капитализма отдельные части его оказались в руках разных владельцев и подверглись переделкам, носившим частичный характер. В настоящее время оно имеет непрезентабельный вид, но архитектурная основа отлично сохранилась; здание может быть легко восстановлено в первоначальном виде и использовано как помещение Подольского универмага — подобно тому, как это сделано в Ленинграде со всемирно известным петербургским Гостиным рядом.

Во-вторых, нам кажется, что следует использовать (в качестве временной меры) и возможности использования церковных зданий в их прямом назначении. Сразу же уточняя: речь идет не о том, чтобы нарочито сохранять действующие церкви только для поддержания того

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 314.

¹² Правда, в настоящее время накоплен большой опыт (в частности, в Польше и Чехословакии) рационального использования древних жилых зданий, внешний облик их сохраняется в неприкосновенности, а оборудование интерьеров реконструируется на основе современных представлений о бытовых удобствах.

или иного памятника архитектуры. Однако во многих городах, где имеется несколько действующих церквей и встает вопрос о закрытии части из них, нередко закрывается церковь, расположенная в здании XVI или XVII в., которое после этого отдается под склад или конюшню и начинает постепенно разрушаться, тогда как не имеющая никакой ценности постройка конца XIX в. остается в ведении курии и, как правило, сохраняется в хорошем состоянии. Думается, что поступать следует как раз наоборот; это даст возможность использовать церковные финансы для поддержания памятников культуры, а не просто церквей как таковых.

Что же касается тех сооружений, которые не могут быть использованы по прямому назначению, то главной сферой их использования, по нашему убеждению, должна быть сфера идеологической работы. Все эти объекты могут и должны стать мощным средством идеологического воспитания масс. Конкретных способов может быть много (все возможно, конечно, немыслимо предусмотреть), поэтому отметим только некоторые.

1. Использование старых зданий, представляющих культурно-историческую ценность, в качестве помещений для музейных экспозиций. В этом отношении у нас имеется большой положительный опыт. Ярославско-Ростовский музей, например, занимает помещения Спасо-Ярославского монастыря и комплекс Ростовского кремля. Переславль-Залесский музей расположен в Горицком монастыре XVII в., Суздальский музей находится в зданиях Суздальского кремля. Музей во Пскове занимает знаменитые Поганкины палаты. В Ужгородском замке дислоцированы краеведческий музей и картинная галерея и т. д. и т. п. Нет нужды специально останавливаться на работе таких заповедников, как София-Киевская, Киево-Печерская и Троице-Сергиевская лавры и т. д. Положительный опыт, безусловно, должен быть учтен и расширен, однако нельзя считать, что в этом отношении у нас все возможности исчерпаны.

Прежде всего нередко приходится сталкиваться со случаями, когда музеи вынуждены довольствоваться случайными, часто непригодными для музейной работы помещениями, не имеющими культурно-исторического значения, тогда как исключительно важные с историко-культурной точки зрения здания и ансамбли используются далеко не наилучшим образом. Так, например, музей в г. Дубно (Ровенская обл., УССР) расположен в тесном, непригодном для экспозиции и хранения домике, в то время как великолепный ансамбль замка и здания Бернардинского монастыря заняты под склады, торговые и другие учреждения. Нелепость такой ситуации не требует доказательств; но она еще более усугубляется тем обстоятельством, что через центр Дубно проходит одна из наиболее оживленных автотуристских трасс и в силу этого местный музей мог бы стать выдающимся очагом культурной работы.

Почему здание картинной галереи во Пскове расположено в здании, не имеющем ни художественного, ни исторического интереса, тогда как дом Меньшиковых и ряд других первоклассных построек XVII—XVIII ст. заселены жильцами и постепенно разрушаются? Почему в Мукачевском замке (представляющем собою едва ли не единственный вполне сохранившийся средневековый замок в нашей стране) находится не музейно-просветительный комплекс, а сельскохозяйственный техникум, который испытывает огромные неудобства в этом малопригодном для учебного процесса помещении?

Таких «почему» можно было бы задать очень много.

Во-вторых, приходится констатировать, что во многих случаях музеи не располагают необходимыми средствами для поддержания находящихся в их ведомстве зданий в надлежащем виде. Если Спасо-Ярославский монастырь, где находится областной музей, сохраняет более

или менее приличный вид, то этого отнюдь нельзя сказать о Горицком монастыре в Переславле-Залесском (та же Ярославская обл.), пребывающем в распоряжении районного музея. Нередко руководство провинциальных музеев вынуждено само отказываться от важных объектов, не чувствуя себя в силах обеспечить им надлежащую сохранность. Средства на поддержание музейных зданий отпускаются мизерные, ремонтные работы тянутся десятилетиями, в результате чего архитектурные памятники разрушаются скорее, чем ремонтируются.

В-третьих, музеям нередко приходится сталкиваться с самоуправством местных властей, из борьбы с которыми они далеко не всегда выходят победителями. Так, Закарпатское областное управление культуры, которому подведомствен Ужгородский музей, несмотря на протесты музейных работников, отвело часть территории Ужгородского замка под склад дров и конюшни, что, конечно, отнюдь не способствует ни сохранности памятника, ни успеху музейной работы.

В-четвертых, справедливости ради надо признать, что сотрудникам музеев (особенно провинциальных) нередко явно не хватает культуры для того, чтобы идеологические и культурно-художественные потенции, заложенные в том или другом памятнике, могли быть выявлены полностью и наилучшим образом. Приходится сталкиваться со случаями, когда даже находящийся в хорошем состоянии архитектурный памятник оказывается обесобразен антихудожественным оформлением — всякого рода стендами, щитами, неуместными в данном конкретном случае картинами и портретами, плюшевыми портъерами и т. п. Нередко движимые добрыми намерениями «создать красоту», музейные начальники прячут подлинную красоту под мишурой и декорацией.

2. Использование памятников как помещений для культурно-просветительных учреждений — клубов, лекториев, зрительных залов.

В качестве хорошего и весьма поучительного примера можно привести следующий. В Риге Домский собор XIII в., обладающий прекрасным органом, превращен в концертный зал, филиал филармонии. Замечательной чертой этой модификации было то, что она не повлекла никаких изменений в архитектурно-художественном образе памятника; древние надгробия, скульптура, украшения — все осталось на месте. Этот пример заслуживает широкой популяризации: использование древних зданий под общественные учреждения у нас довольно распространено, но при этом памятники часто подвергаются такой «переделке» (особенно в интерьерах), что много теряют в идейно-художественном отношении. Скверный пример показывает Киево-Печерский заповедник. За последние годы там осуществлены большие реставрационные работы, причем архитекторы-реставраторы продумали все мелочи и, казалось бы, пустяки: кованое железо на окнах и дверях, стилизованные фонари и т. п. Но того, кто войдет внутрь, скажем, кинолектория, разместившегося в здании церкви Николы Больничного, поражает безвкусица внутреннего оформления: безликая стандартная мебель, неизменный плюш на проемах, гипсовые бюсты в углах и т. д.

Иногда переделка старых зданий под «модерн» приобретает трагический характер и ведет к их практической гибели — как это имело место при адаптации здания Житомирского костела (XVII в.) под естественно-исторический музей или католического костела в Минске (XVII в.) — под спортивный зал. Облик этих зданий претерпел такие изменения, что тому, кто не видел их до «реконструкции», немыслимо представить себе их подлинный облик.

3. Использование памятников культуры в качестве объектов туризма.

Для сооружений, не представляющих эксплуатационной ценности (развалины древних сооружений, археологические объекты и др.) это единственный метод использования. Но и такие сооружения, которые заняты культурно-просветительными учреждениями или каким-либо иным

образом утилизированы, должны использоваться для туризма в полной мере. Однако и эта сторона дела находится у нас в состоянии крайней запущенности.

Список древних сооружений, являющихся объектом туристской активности и привлекающих внимание широкой общественности, крайне ограничен. Преимущественно это объекты, находящиеся в больших городах, и без того посещаемых массовыми группами туристов. Памятники, расположенные вне главных дорог и населенных пунктов, практически недоступны широкому показу. Подъездные пути здесь, как правило, отсутствуют; транспортные возможности минимальны. Для того, чтобы увидеть, например, знаменитый Мотронинский монастырь на Украине (центр гайдамацкого движения в XVIII в.), необходимо доехать местным транспортом из Черкасс в Чигирин, а затем около 40 км добираться по совершенно неблагоустроенным проселкам. Естественно, это доступно не каждому.

Из рук вон плохо поставлена реклама. О существовании многих памятников, имеющих перворазрядное значение, известно только специалистам. Путеводители издаются редко и, как правило, отличаются крайней неполнотой. Имеющиеся издания опять-таки посвящены большим городам и рекламируют в первую очередь новые жилые кварталы, школы, кинотеатры, клубы и т. п. объекты, ничем принципиально не отличающиеся от аналогичных объектов в любом другом населенном пункте. Индивидуальное, неповторимое лицо города в них не проступает, либо проступает очень слабо; в результате туристы, не получая необходимой информации, практически лишаются возможности сколько-нибудь полного знакомства с имеющимися культурно-историческими ценностями.

В качестве характерного примера сошлемся на путеводитель, предлагаемый вниманию гостей «матери городов русских» — Киева, обладающего историко-культурными сокровищами мирового значения. Из шести десятков произведений старой архитектуры, имеющих в городе, названы только София, Киево-Печерская лавра, Выдубицкий монастырь, Мариинский дворец и Андреевская церковь. Отсутствуют такие памятники, как Кирилловская церковь XII в., сохранившиеся произведения И. Г. Григоровича-Барского (Покровская церковь, Набережный Никола и др.), жилые дома XVII—XVIII вв. на Подоле, комплекс Киевской Академии, ансамбль Фроловского монастыря и многое другое. Не упомянуто даже древнейшее Киевское городище с остатками Десятинной церкви. И вот туристы, специально приезжающие познакомиться с древнейшим славянским городом, вынуждены покидать его, не увидев и десятой доли достопримечательностей.

Одним из наиболее охотно посещаемых туристами районов нашей страны является Закарпатье. По данным Ужгородского музея за летний сезон его экспозицию смотрят свыше миллиона посетителей. В Ужгороде имеется подлинная жемчужина древней украинской культуры — Горнянская ротонда XIII в. с сохранившейся фресковой росписью XIV в. Но об этом уникальном памятнике (кстати, недавно реставрированном), расположенном на окраине города, никто не знает. Добраться до нее не так просто, так как городской автобус в Горняны ходит редко и не рассчитан на массовые посещения. От автобусной остановки до самой ротонды путь идет по совершенно неблагоустроенным тропинкам, причем найти памятник может только тот, кто уже бывал здесь и знает дорогу: никаких указателей нет. Чтобы попасть внутрь здания и увидеть росписи, надо знать, где живет сторож, и застать его дома. Нужно ли удивляться, что из миллиона посетителей Ужгорода только считанные единицы могут похвалиться тем, что видели этот первоклассный памятник?

К сожалению, приведенные факты далеко не исключительны. От Суздаля до Кидекши, где находится единственная в Северо-Восточной

Руси постройка времени Юрия Долгорукого, всего 4 км, но они стоят трехсот километров, отделяющих Суздаль от Москвы: дорога разбита, и даже лица, обладающие транспортом, далеко не всегда отваживаются ехать по ней. Но справедливости ради надо подчеркнуть, что имеются факты и противоположного рода. Любовно относятся к памятникам прошлого, например, в Прибалтийских республиках (достаточно сослаться на то, как литовцы рекламируют Тракайский замок или эстонцы — монастырь Бригитты в Пирите). Очевидно, города, как и люди, имеют свое индивидуальное лицо, и с этим необходимо считаться.

* * *

Охрана культурно-исторических памятников предполагает в качестве важнейшей задачи их реставрацию. В связи с этим также возникает ряд вопросов, требующих своего рассмотрения. Речь идет, в частности, о границе между консервацией и реставрацией, реставрацией и воссозданием и т. д. Полная реставрация, как восстановление утерянного в полном объеме, в нашей практике (за очень редким исключением) не применяется. Речь обычно идет о реставрационных работах, связанных с мерами по консервации того, что сохранилось в аутентичном виде (восстановление кровли, штукатурки, частичное восполнение разрушенных стен, деревянных деталей и т. п.).

Между тем мировая практика дает нам многочисленные примеры полного воссоздания, которые представляют собою опыт, заслуживающий во всяком случае внимания. Можно сослаться, например, на опыт восстановления древних польских городов, пострадавших во время войны, и в первую очередь — Варшавы. Центр средневековой Варшавы Старе място, почти полностью разрушенный немцами, как известно, восстановлен в том виде, в каком он пребывал перед началом войны. Это не имитация средневековой архитектуры и не стилизация под нее; это точное документальное воссоздание утраченного. Аналогичные работы осуществлены в Познани, Гданьске, Вроцлаве, Ольштыне и других городах.

Однако такая практика вызывает возражение многих специалистов, считающих, что полное возобновление представляет собою «подделку под старину», так как результатом ее выступает не подлинный памятник, а его макет. В частности, автору этих строк приходилось слышать мнение о том, что восстановление Петродворца после войны было нецелесообразным, так как в результате его получен «неаутентичный» Петродворец.

Принципиально с такой точкой зрения согласиться нельзя, так как сторонники ее принимают во внимание лишь одну сторону дела (причем далеко не главную) — мемориальную. При этом совершенно выпускается из виду основное: познавательно-воспитательная и эстетическая функция памятников. С точки зрения последней аутентичность материала, из которого состоит физическое тело памятника, не играет решающей роли. Нововосстроенное Старе място в Варшаве столь же успешно выполняет свои функции исторического и художественного воспитания народа, как и подлинная средневековая Варшава, погибшая в огне войны. Быть может, даже успешнее, так как сам факт возрождения национальной святыни представляет собою мощный фактор идейно-воспитательного воздействия.

Думается, что вопрос о целесообразности полной реставрации того или иного памятника следует решать конкретно в каждом отдельном случае. Главными решающими моментами, очевидно, следует считать: а) ценность памятника, его уникальный характер; б) степень разрушенности (и следовательно, размер затрат, необходимых для реставрации) и в) наличие достаточного документального материала, способного обеспечить полную достоверность реставрации.

В нашей стране накоплен уже количественно небольшой, но исключительно ценный опыт реставрационных работ. К числу хороших образцов следует отнести, в частности, реставрацию Тракайского замка в Литве, части Псковской крепости, Пятницкой церкви в Чернигове.

Тракайский замок дошел до нас в чрезвычайно разрушенном виде, но целесообразность его отстройки диктовалась уникальным характером сооружения и его историческим значением (как известно, Тракай в XIV в. одно время был столицей Литовского княжества). Реставрация замка выполнена на высоком научном уровне и в рамках реалистической целесообразности: полностью восстановлена цитадель, в залах которой размещена музейная экспозиция, тогда как во внешнем замке реставрированы лишь нижние ярусы стен, призванные, с одной стороны, обеспечить сохранность аутентичных кладок XIV в., а с другой — дать посетителям наглядное представление о конструктивно-планировочной структуре сооружения.

Необходимость воссоздания Черниговской Пятницы диктовалась как уникальным характером памятника, так и относительно небольшими масштабами разрушения. Изыскания, произведенные архитектором-реставратором П. Д. Барановским, позволили восстановить постройку точно в том виде, в каком она была создана на рубеже XII и XIII вв. выдающимся зодчим древней Руси Петром Милонегом.

Несколько лет тому назад встал вопрос о воссоздании Успенского собора Киево-Печорской лавры, разрушенного в 1941 г. фашистскими захватчиками. При этом возникла дискуссия, что положить в основу реставрации — образ собора XI в. (первоначальный вид памятника) или же образ собора, сложившийся на рубеже XVII—XVIII вв. (вид памятника в момент гибели). Нам представляется, что решающим в этой дискуссии должно быть наличие или отсутствие достаточной документации. Собор, декорированный в стиле украинского барокко, отражен в имеющихся документах исчерпывающим образом и, следовательно, может быть восстановлен совершенно достоверно, тогда как облик собора в XI в. нам неизвестен, и попытка его воссоздания представляла бы скорее фантазию на знакомую тему, нежели точное научное восстановление.

В нашей стране имеется ряд уникальных сооружений мирового значения, заслуживающих полной реставрации. Из их числа коротко останемся только на двух.

В последние годы украинскими архитекторами-реставраторами проведены большие работы по исследованию так называемых Польских ворот в г. Каменце-Подольском, в результате чего этот памятник представляется вполне ясным (имеется его графическая реконструкция). По сложности инженерно-фортификационной задачи, стоявшей перед авторами постройки, а также по качеству решения этой задачи Польские ворота не знают равного себе сооружения в Восточной Европе. Памятник сохранился в большей части; необходимо отрыть засыпанный щебнем и землей нижний ярус, восстановить разрушенные части кладок, перекрытия, кровлю башен и деревянные детали стен. В данном случае все соображения (сохранность памятника, его уникальный характер и наличие достаточных данных для реконструкции) диктуют положительное решение вопроса о целесообразности его воссоздания.

Одним из наиболее замечательных замков на территории СССР является Хотинский замок (Черновецкая обл., УССР), построенный еще в XIII в. на средства украинского князя Данила Галицкого (позже он, правда, неоднократно подвергался переделкам). По своеобразию конструкции, а также по своей грандиозности (стены местами достигают 43 м в высоту) этот замок представляет собой сооружение совершенно беспримерное. Сохранность его такова, что реставрационные работы сведутся в конечном итоге к капитальному ремонту: необходимо очистить

внутренний двор от мощного завала щебня, восстановить перекрытия, оштукатурить и отремонтировать стены и лестницы, вставить окна и двери. В результате этих работ замок приобретет эксплуатационную ценность: в залах можно будет, по примеру Тракайского замка, развернуть музейную экспозицию.

Но отсюда вытекает еще один вопрос, заслуживающий обсуждения,— об изыскании материальных средств, необходимых для реставрации памятников и их поддержания в надлежащем виде. Этот вопрос имеет первостепенное значение, так как недостаток средств является главным доводом, который приходится слышать в ответ на то или иное деловое предложение.

Мы позволим себе выдвинуть утверждение, что такого рода сентенции лишены оснований. Памятники культуры при правильном подходе к делу не только не потребуют от государства каких-либо специальных затрат, но напротив того, могут стать источником определенных доходов.

Недавно в СССР приезжал барон Ротшильд. Посетив Суздаль и ознакомившись с его памятниками древней русской архитектуры, он заявил: «Вы по золоту ходите. Я много стою, но если бы мне дали Суздаль на два года, я бы свое состояние удвоил»¹³. Ротшильд знал, что говорил. Но почему наш народ, владеющий бесценными сокровищами, должен быть хуже Ротшильда, отказываясь от огромных средств, которые могут дать памятники древности? Для этого требуется немного: во-первых, гораздо больше внимания уделять развитию туризма (в частности иностранного), а во-вторых, изменить систему финансирования тех учреждений, которые имеют отношение к реставрации и охране памятников культуры.

В настоящее время главными учреждениями, ведущими работы в этом направлении, являются государственные реставрационные мастерские и музеи. Средства на осуществление работ (как правило, мизерные) отпускаются по бюджету; реальных возможностей изыскать дополнительные средства практически не имеется. Суммами, вырученными от продажи билетов, литературы, путеводителей, сувениров и т. д., распоряжаются финансовые органы, отнюдь не беспокоящиеся о судьбе музейного дела и охраны памятников. При существующей ситуации музеи (и другие учреждения, эксплуатирующие памятники культуры) совершенно не заинтересованы в том, чтобы изыскивать новые источники денежных поступлений; напротив того, они видят в этом только дополнительные хлопоты, которых желательно избежать.

Так, например, Ужгородский музей несколько лет тому назад отказался от продажи входных билетов (плата берется только за проведение экскурсий). Учитывая посещаемость музея (около миллиона человек в год), потери от этого мероприятия составляют (при стоимости билета в 10 коп.) 100 тыс. новых рублей ежегодно. Но музей вовсе не заинтересован в этих деньгах, так как при существующем порядке распоряжаться ими он все равно не может.

Сентябрьский Пленум ЦК КПСС (1965 г.) принял исключительно важные решения об усовершенствовании управления и руководства промышленностью. Суть их — в предоставлении гораздо более широких прав предприятиям (в том числе и права распоряжаться частью прибыли в интересах производства). Нам кажется, что принцип этот безусловно должен быть распространен на многие другие сферы общественной жизни в нашей стране и, в частности, на те, что являются предметом настоящего рассмотрения.

Средства, которые в результате развития туризма могут и должны дать памятники культуры, необходимо обращать в основной своей ча-

¹³ «Литературная газета», 15 января 1966 г.

сти на охрану и содержание самих памятников. И, с другой стороны, разумная эксплуатация памятников для нужд туризма и просветительской деятельности позволит сравнительно быстро окупить те средства, которые потребует их реставрация.

Выше упоминалась Горянская ротонда в Ужгороде. Сделать ее доступной для посетителей очень легко, сама же эксплуатация не потребует никаких существенных затрат (нужно лишь посадить там человека, который продавал бы билеты и открытки с изображением здания и фресок); в результате доход в десятки и сотни тысяч новых рублей в год обеспечен.

Ремонт Хотинского замка потребует, вероятно, несколько сот тысяч новых рублей; но если в стенах его развернуть экспозицию и брать за вход по 10 коп. с человека, то затраченные средства окупятся в течение нескольких лет. Хотин расположен на оживленной автомагистрали, и ни один из проезжих туристов не откажет себе в удовольствии осмотреть этот не имеющий себе равных памятник. Для этого требуется только хорошая реклама и разумная постановка дела.

* * *

Наш народ успешно строит коммунизм. Задача нашего поколения — заложить основы коммунистического общества. Но коммунизм — это не только изобилие хлеба, мяса, одежды и прочих материальных благ. Это и полнота духовной жизни народа, а ее немислимо представить себе без творческого усвоения наследия, завещанного нам предшествующими поколениями. Неотъемлемую часть этого наследия составляют памятники культуры. Они являются всенародным достоянием, которое мы обязаны в целости и сохранности передать потомкам.

В наши дни перед этим делом открываются оптимистические перспективы. Создание добровольных обществ по охране памятников культуры призвано поднять охрану и использование культурного наследия наших народов на уровень всенародного дела. Хочется надеяться, что деятельность новосоздаваемых обществ будет успешной и заслужит искреннюю благодарность как живущего, так и грядущих поколений.

